

В биографии Феодосия есть эпизод, иллюстрирующий, по замыслу Нестора, скромность знаменитого игумена. Этот эпизод может быть выделен из общей ткани повествования: в нем есть свой сюжет, рядом с Феодосием намечен любопытный набросок портрета «отрока возницы» — одного из тех тружеников, которые уже в XI в. на рядовых монахов смотрели как на бездельников, скрывающихся в монастыре от полезного труда. Этот отрок, отвозя Феодосия от князя в монастырь, не узнал по убогой одежде знаменитого игумена и предложил, чтобы он уступил ему свое место на возу: «Черноризьце, се убо ты по вся дньи празден еси, аз же труден сый, и се не могу на кони ехати; но се аз да почию на возе, ты же могый на кони ехати, всяди на конь» (стр. 34). Они поменялись местами. Когда Феодосий начинал дремать, он сходил с коня и шел пешком, потом снова садился. Рассвело, и встречные, узнавая Феодосия, стали «поклоняться» ему. Феодосий, чтобы не навлечь укоры на возницу, предложил ему сесть на коня. «Отрок» понял свою ошибку и пришел в ужас, когда братия торжественно встретила вернувшегося игумена. Но Феодосий не только не упрекнул юношу, но, накормив, «кунами тому подав, отпусти его».

В этой жанровой картинке метко схваченная деталь — реплика отрока — вносит в нравоучительный сюжет живую черту. Выразительность рассказа, почти зрительно воспроизводящего действительный факт, особенно выступает при сравнении со схематичностью описания в «Луге духовном» аналогичного случая из жизни архиепископа Феодота. Феодот «был в дороге с одним клириком». Он «совершал путь в носилах, а клирик ехал на коне». И Феодот предложил: «Поделим длину пути и будем меняться местами». Клирик отказывался, считая, что будет бесчестием, если «святитель поедет на коне». Но Феодот настоял на своем.³⁴

В том же житии Феодосия Нестор, рассказывая о его неустанных трудах о том, как он не давал себе отдыха даже ночью, приучал себя терпеливо сносить боль, описывает одно из испытаний, какому подвергал себя игумен: «Иногда же, оводу сущу многу и комаром, в нощи изыде над печеру и, обнажив тело свое до пояса, седяше, прядый волну и псалтырь Давидову поа. От множества же оводу и комаров все тело его покровено бываше и ядыху плоть о немь, пиюще кровь его. Отець же наш Феодосие пребываше неподвижим, ни востаа от места того, дондеже год бываше утрении» (стр. 27). Так просто, без всяких преувеличений описал Нестор один из способов «умерщвления плоти». В переводном житии Макария Александрийского дано совсем иное объяснение, почему Макарий подверг себя подобному же испытанию. Макарий, оказывается, сам наказал себя за «грех»: он раздавил комара, почувствовав боль от его укуса. Как обычно в восточных патериках, испытание описано гиперболично: шесть месяцев Макарий нагой просидел на болоте, где комары «величиною равняются осам и прокусывают кожу даже у кабанов». Когда Макарий после такого самоистязания вернулся в келью, его узнали только по голосу.³⁵

В обработанном Нестором рассказе об Исакии «печернице» описано необычное для Киево-Печерского патерика «искушение»: бесы являются Исакию в образе Христа и ангелов и заставляют инока поклониться мнимому Христу. Исакий «не разуме бесовского действа, ни памяти име перекреститися». Так просто, наивно объяснил русский автор этот проступок Исакия, который поплатился за него длительной болезнью, но был

³⁴ Луг духовный. Творение блаж. Иоанна Мосха. Св. Троицкая Сергиева лавра, 1896. Перевод с греч. М. И. Хитрова (далее: Луг духовный), стр. 43.

³⁵ Палладия епископа Еленопольского Лавсаик, или повествование о жизни святых и блаженных отцов. СПб., 1850 (далее: Лавсаик), стр. 59.